

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Наталья Бернадская. «Тюрьма — это совмещение
несовместимого»*5

ОТ АВТОРА15

ИСПОВЕДЬ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Письма из тюрьмы. Роман19

ПРИЛОЖЕНИЕ

*По обе стороны решетки. Из переписки заключенной
с друзьями на воле*423

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наталья Бернадская

«ТЮРЬМА — ЭТО СОВМЕЩЕНИЕ НЕСОВМЕСТИМОГО»

Стоит, вероятно, начать с короткой биографической справки.

Полина Брейтер родилась в 1942 году в Сибири, выросла и жила в Одессе. Окончила факультет романо-германской филологии Одесского университета, защитила кандидатскую диссертацию по математической лингвистике, готовила докторскую, но была уволена из Кировоградского пединститута за антисоветские разговоры со студентами, а значит, лишена возможности заниматься наукой и преподавать в вузе, поэтому учительствовала в сельской школе под Одессой и подрабатывала переводами. В 1992 году эмигрировала в Америку, живет в Нью-Йорке. По материалам многолетней переписки с Борисом Чичибабиным подготовила публикации для «Нового Журнала» (2012 и 2020) и «Звезды» (2011 и 2013) и книгу «Уроки чтения», которая вышла в московском издательстве «Время» в 2013 году. Вторая книга — повесть «Октава» — была опубликована там же в 2020 году.

Вы держите в руках еще одну книгу Полины Брейтер. Книгу необычную: она составлена по двум сотням писем, отправленных Полиной из американской тюрьмы Карсвелл в 2013–2014 годах.

Этот человеческий документ уникален. Возможно, изредка в американские тюрьмы попадают люди столь же честные, искренние и открытые, но очень уж мала вероятность, что еще

и способные принять все происходящее с ними как возможность духовного роста, отрефлексировать пережитое и передать свой опыт словами простыми, но верными и точными. Каждый из нас, читавших письма Полины из тюрьмы в то время, когда они были написаны, понимал: это материал для книги. И вот эта книга перед вами.

Неизбежен вопрос: почему же такой человек оказался в тюрьме? В чем его вина?

Полину Брейтер осудили как участницу громкого группового дела о мошенничестве в Claims Conference. Эта организация помогала евреям, пострадавшим во время Второй мировой войны, прошедшим через концлагерь или гетто, получить от Германии денежную компенсацию. И вот в 2010 году были раскрыты многочисленные фальсификации, когда деньги выплачивались тем, кто не имел на них права. Полина оказалась в числе сотрудников Claims Conference, на которых возложили вину, поскольку она тоже оформляла дела заявителей, помогала им собирать документы, доказывающие право на получение пособий.

Что Полина не могла быть виновата в том, в чем ее обвиняли, понимали все — и те, кто знал ее, и те, кто потрудился вникнуть в ее дело. Почему же тогда она признала себя виновной и провела в тюрьме пятнадцать месяцев? Почему не пошла на соглашение со следствием, не назвала истинных виновников, хотя могла в этом случае избежать незаслуженного наказания? Думаю, потому, что выгораживать себя за счет другого, выдать своих корыстных коллег было для нее попросту невозможно, лежало за пределами ее нравственных установок.

Между прочим, Полине дважды пришлось делать похожий выбор. Вот как она сама это описывает:

«Первый раз — в 1973-м в Одессе. Когда гэбэшники меня допрашивали: „Кто способствовал развитию ваших вредных антисоветских взглядов?“ — угрожали, призывали быть благо-разумной: „От вашего поведения зависит, будем ли мы возбуж-

дать уголовное дело или ограничимся профилактическими мерами”. И всего лишь из-за разговоров со студентами — вполне робких по сегодняшним меркам и с оглядкой на Двадцатый съезд — о невинных людях в лагерях, о Павлике Морозове, о Солженицыне.

Второй раз — в 2011–2012-м в Нью-Йорке. Когда несколько месяцев двое умных и честных адвокатов, которые отлично видели, что не заслуживаю я тюрьмы и нечего мне в ней делать, уговаривали и убеждали меня пойти на соглашение со следствием, потому что сознавали, что иначе меня от тюрьмы не оградить. Они были уверены, что рано или поздно я соглашусь, а когда поняли, что нет, не соглашусь, удивлялись: „Но почему? Вы ведь будете говорить правду!“

И оба раза — и в Союзе, и в Америке — решение далось мне легко и естественно, без колебаний и мучительных раздумий».

Тут уместно поговорить об американском правосудии. Почему невинные зачастую признают себя виновными? Почему оговаривают себя?

У подследственного в США есть три возможности. Можно пойти на соглашение со следствием, то есть рассказать все, что ты знаешь о своем деле, о себе и о других. И если ты ничего не скрываешь, то получишь минимальное наказание. Если бы Полина пошла на соглашение со следствием (причем никого не оговорила бы, просто рассказала то, что знала), никакой тюрьмы не было бы.

Можно не идти на соглашение со следствием, но признать свою вину, пусть даже несуществующую. Пока человек под следствием, происходит своеобразная торговля: прокурор и адвокат пытаются договориться, каждый приводит доводы, предлагает свой вариант наказания, и в конце концов они приходят к компромиссу.

Ну и наконец можно не признать свою вину, но тогда тебя ждет суд присяжных. А это весьма опасно: скорее всего, получишь максимально возможный по твоей статье срок. Присяжные обычно верят обвинению.

У Полины дело обстояло так: ее адвокат поговорила с прокурором, прокурор предложил год и один день тюрьмы (один день — это важно: все льготы положены при сроке больше года) в обмен

на признание вины и компенсацию ущерба в 200 тысяч долларов. Адвокат пыталась ее уговорить: это, мол, хорошее предложение, и нужно решать срочно, есть всего лишь неделя на раздумье. Полина, которая не присвоила ни копейки, возмутилась — и наотрез отказалась.

Это была естественная реакция невинного человека, не знающего, как работает машина американской юстиции. Виновен ты или нет — неважно: раз уж ты попал в эту мясорубку, то не выйдешь из нее. Полина тогда этого еще не понимала.

Через неделю ей сказали, что прокурор ушла на повышение, и теперь дело ведет другой прокурор, гораздо более жесткий. Стало ясно, почему ее торопили. Адвокат пыталась убедить Полину, что дальше будет только хуже (это коллективное дело подается как циничное групповое преступление еврейской мафии, и доказать непричастность к махинациям крайне сложно), но та не вняла уговорам.

Ни разу не пожалела Полина о том, что не пошла на соглашение со следствием, и все же задним числом она считает, что стоило принять предложение первого прокурора. Потому что второй потребовал уже двух лет тюрьмы и возмещения 500 тысяч ущерба.

— **Он не сомневался в твоей вине?**

— *Вот этого я не знаю. Адвокат понимала, что я невиновна, а судья и прокурор — не знаю. Думаю, судья поверил обвинению. О нем говорили хорошо, он, мол, справедливый, но ведь он совершенно не был знаком с нашей работой, и ввести его в заблуждение было легко.*

— **Твоя адвокат очень старалась убедить судью, произнесла на суде часовую речь, он ее перебивал, а она снова и снова приводила доводы, которые никто не слушал...**

— *Адвокат проверила каждое из двадцати пяти дел по назначению пожизненного пособия, в фальсификации которых меня обвиняли, и доказала, что моей вины там нет. Когда она вникла в эти дела, то очень впечатлилась — и поверила мне. Но кроме нее никто не хотел вникать. Исход дела был предрешен; меньше мне дать не могли, потому что я не пошла на соглашение со следствием. Ну и я ведь признала себя виновной, убоявшись суда*

присяжных. Некоторые из моих друзей и знакомых, к слову, были этим разочарованы.

— Каковы ощущения невинного человека, который вынужден публично признать свою вину?

— Отвратительные. Я себя чувствовала ужасно униженной, мне было так тошно, как не было даже потом на суде...

По закону Полине был положен обычный лагерь, где условия для осужденных за бытовые преступления достаточно свободные. Но по состоянию здоровья ее направили в женскую тюрьму Карсвелл в Техасе (это не обычная тюрьма, но тюремный медицинский центр), где сидят самые разные люди — не только белые воротнички, но и убийцы и наркодилеры, поэтому режим там одинаково строгий для всех. И Полина готовилась к худшему: на форумах писали, что там люди умирают, и им не оказывают помощи, что они лежат на смертном одре в кандалах и наручниках, и последнее, что видят в жизни, — это равнодушное лицо надзирателя. Однако реальность оказалась иной.

— Со мной сразу началось то, что происходило все эти тюремные месяцы. Мне было очень интересно. Я смотрела вокруг и понимала, что мне предстоит здесь прожить полтора года. Понимала, что начинается что-то совсем новое. Страшно было, когда я думала, что еду в ужасное место. Но когда я приехала, я уже об этом не думала; я ощущала, что ничего плохого просто не может случиться. И не случилось.

— Ты ведь сталкивалась в тюрьме с настоящими злодеями, убийцами. И все-таки в письмах постоянно говоришь о любви к ним.

— Знаешь, я там общалась с приятными, менее приятными, совсем неприятными женщинами (были очень страшные), но во мне было много искреннего тепла, преобладало участливо-доброжелательное отношение к ним. Поэтому и они, наверное, хорошо ко мне относились. Я пришла к ним с улыбкой, и в ней не было ни страха, ни враждебности. В очень сильном напряжении была тогда душа, и мне повезло, что я была так, а не иначе настроена.

— Но тюрьма — это несвобода...

— И тем не менее это место стало для меня замечательной школой. Я ходила по земле как по воздуху, мне казалось, я излучаю свет. И я испытывала вину, оттого что счастлива, мне было стыдно перед другими, которые несчастны и ничего про свет не знают. Это как если бы я была бессмертна и знала, что никогда не умру, а они умрут...

Расскажу о своей поездке на свидание с Полиной.

Перед восточными воротами Карсвелла выстроилась вереница машин. Люди съехались заранее — за час-полтора до открытия ворот, чтобы занять очередь и побыстрее увидеть близких. Почему-то мне казалось, что посетители должны быть под стать заключенным; я ожидала увидеть грязные разбитые машины, людей криминального толка в наколках... Но за стеклами машин я различала красивые человеческие лица — черные и белые, молодые и старые; довольно много было детей. У ожидающих в очереди как-то само собой возникает взаимопонимание, своего рода братство; все делится опытом, поддерживают друг друга.

Потом проверка документов и, наконец, встреча с Полиной. Ее сияющие глаза, захлебывающийся разговор обо всем и ни о чем. Мы уже читали ее письма из Карсвелла и знали, что происходит с человеком, когда он освобожден от бытовой рутины и остается наедине с собой. Кто-то сразу сдается и мертвеет, кто-то пытается выжить любой ценой. Полина же не рисовалась, не пыталась сделать хорошую мину при плохой игре — она действительно жила напряженной внутренней жизнью, необычайно остро переживая каждое мгновение.

В зал для свиданий нельзя проносить ничего, кроме нескольких монет. Я достала разрешенные монеты и растерянно стояла возле торгового автомата, пытаясь купить лакомство для Полины. Она потянулась помочь мне. Но оказалось, что за нами наблюдают, и не только надзиратели. «Предупредите свою подругу, что ей нельзя прикасаться к деньгам, за это могут наказать», — тут же шепчет мне на ухо молоденькая чернокожая девушка. А чудесный

мальчишка лет десяти вежливо предлагает мне помощь, и мы вместе покупаем шоколадку.

Вокруг то и дело звучит смех. Заключенные, вопреки моим стереотипам, выглядят совершенно обычно, их можно отличить от посетителей только по одежде. И никакой печати порока на лицах.

...Мы прощаемся, и Полина — маленькая, с ребеночка ростом — смотрит мне вслед. Человек, который чувствует себя свободнее и счастливее многих из нас, по эту сторону решетки.

Знаете ли вы, сколько людей в Америке сидит по тюрьмам и лагерям? 2,3 миллиона! Это больше, чем в любой другой стране, это больше, чем во всей Европе, это четверть всех заключенных планеты, хотя население США составляет всего 4,2 процента мирового. Страна — рекордсмен не только по общему количеству отбывающих наказание, но и по их относительному числу: более семисот человек на 100 тысяч населения.

И хотя преступность падает, но количество заключенных продолжает расти. Тюрьмы переполнены. Эрик Холдер, генеральный прокурор Америки с 2009 по 2015 год, приводил в своем докладе такие цифры: около 40 процентов освободившихся из федеральных тюрем и более 60 процентов — из местных возвращаются туда в течение трех лет за вновь совершенные преступления или незначительные проступки. Всего же через американские пенитенциарные учреждения за год проходит примерно 10 миллионов человек.

Мой знакомый адвокат полагает, что сегодня процентов десять заключенных — это невиновные. А еще процентов десять-пятнадцать действительно совершили что-то противоправное, но тюрьма для них — чрезмерно суровое наказание, не соответствующее проступку. Получается, что за год в Соединенных Штатах через тюрьмы и лагеря проходит около миллиона ни в чем не повинных людей. А есть еще те, кого эта машина задела опосредованно, чьи родные и близкие за колючей проволокой.

Все, что мы можем, — попытаться разглядеть в этой нескончаемой толпе отдельного человека. И представить себе, что ощущает

тот, чью жизнь неотвратимо и безжалостно разрушила грубая внешняя сила.

— *По моим ощущениям, — говорит Полина, — невинных в тюрьме было больше десяти процентов. Ну и большинство сидело за наркотики. Тогда еще за них давали огромные сроки (сейчас это вроде бы изменилось). По-моему, не меньше шестнадцати — двадцати лет. И женщины говорили: мне осталось немножко, всего восемь лет — и домой. При этом они уже отсидели десять... Много было совсем юных. Зачем их там держали? Жили в праздности, бездельничали. Молодые же, кровь играет, черед сексуальных связей. А больше и нечем заняться. Книг они не читали и читать не будут, развлечений никаких нет... Не понимаю, как тюрьма может способствовать их исправлению.*

Один из молодых друзей Полины, который тоже навещал ее в заключении, так рассказывал об этой встрече: *«По какой-то загадочной причине у человека, загнанного в угол, помещенного в место, куда он сам по доброй воле никогда бы не пошел, происходит мощный взлет духовной энергии — с обостренным и радостным восприятием ее величества Жизни. Мне думается, что вот это-то и есть самое интересное и примечательное. <...> Было бы ошибкой видеть ее ситуацию как нечто неизбежно трагическое и необратимое. Все будет хорошо. Ибо по какой-то неведомой причине жизнь пластична и податлива, она уступает нашему давлению, принимает нашу форму, то отступая, то обволакивая. И если так, то от нас может зависеть больше, чем мы думаем...»*

Полина, несомненно, человек религиозного сознания. Человек и Бог, вера и неверие, благодарное принятие своей судьбы — это сквозная тема ее жизни. И сквозная тема этой книги.

— *Религиозные люди говорили о русской тюрьме, что никогда у них не было таких высоких состояний, как там. Я не думала, что со мной когда-нибудь произойдет такое. А вот произошло, и именно в тюрьме. И это счастье. Можно было там умереть, можно*

было сломаться, опуститься. Нет, не потому, что было невыносимо тяжело, просто поводы для этого там были.

А еще тюрьма — это совмещение несовместимого. Несвобода и ограничения, которые несет с собой тюремная жизнь, — и одновременно такая свобода, которой не было у меня никогда. В тюрьме я ощутила то, чего не ощущала раньше. Что я частица Вселенной. Что я ее люблю — и она меня любит. Когда ты осознаешь, что тебя любит Вселенная, то ты тоже любишь очень-очень. И Вселенную, и маленьких людей, и больших людей, и животных, и растения, и каждый камешек.

Женщины вокруг меня — они были ужасно чужие, они были люди другой культуры, другого языка, другого опыта. Мы жили раньше совсем по-разному, и вряд ли я подружилась бы с кем-то из них в дотюремной жизни. А там я испытывала к ним нежность, они сделали мне дороги. Я на многое была готова, чтобы как-то улучшить их жизнь.

Полина и сейчас вспоминает о них тепло. Некоторые, увы, уже умерли: все же это тюрьма-больница, здоровых там нет.

И пусть для этих женщин Полина была человеком из другого мира, пусть ее английский был несовершенен, но они ее приняли. Было много серьезных, исповедальных разговоров. Все это сохранилось в письмах, все это есть в книге.

И снова продолжаю разговор с Полиной.

— Герой книги Алана Милна «Двое», которую ты читала в тюрьме, спрашивает себя: «Что сделал ты со своей жизнью?» Как бы ты сегодня ответила на этот вопрос?

— Наверное, нужно начать с того, для чего мне дали жизнь... Подозреваю, что все-таки только для любви. Что бы со мной ни происходило, все равно все оборачивалось этим. Даже тюрьма. Я всю жизнь искала любви и искала Бога. Иногда получалось лучше, иногда хуже; в тюрьме, наверное, достаточно хорошо. Со мной там произошло что-то такое, что вернуло меня в это состояние поиска. Все сошлось одно к одному, хорошо и правильно.

И я не только не клянусь судьбу — я бесконечно благодарна ей за этот опыт, за все то прекрасное и ужасное, высокое и унижительное (да, и за это тоже), что мне там выпало. Это время оказалось невероятно значительным. Как же об этом жалеть?

Не знаю, должна ли я отличать поражение от победы. Но мне кажется, что Бог любит меня, ведет меня и оберегает меня. И Бог дал мне много любви, и дал именно в тюрьме — в таком месте, где душа живет стократ интенсивнее. В тюрьме я явственно почувствовала себя ведомой Богом. И что, кроме радости и благодарности, могу я испытывать? Только одно, пожалуй: готовность идти туда, куда меня ведут.

Наталья Бернадская

ОТ АВТОРА

Человек заявляет: «Я был в тюрьме. И я написал об этом книгу».

Я была в тюрьме. И я написала об этом книгу. Книгу о том, как я жила там, что видела, что слышала, чувствовала, о чем думала. И, понятно, сравнивала эту мою американскую тюрьму с советскими или постсоветскими.

Конечно же, сразу возникает вопрос: а за что тебя посадили? В чем ты виновата — и виновата ли ты?

Меня посадили как одного из фигурантов группового дела о мошенничестве в организации Claims Conference, где я в то время работала. Ее сотрудники помогали жертвам Холокоста получить денежную компенсацию от Германии. И вот выяснилось, что многие дела были сфабрикованы, пособия назначались тем, кто не имел на них права. В 2010 году ФБР начало следствие.

В мои обязанности входили рассмотрение, оформление и подготовка заявлений на компенсацию от евреев, пострадавших во время войны, и сбор документов, доказывающих это. Тем, кто прошел через концлагерь или гетто, прятался от немцев на оккупированной территории, полагалось пожизненное ежемесячное пособие. Позже эта компенсация распространилась и на бывших узников некоторых трудовых лагерей. Тем, кто сумел покинуть родные места до того, как они были оккупированы немцами, выдавалась разовая компенсация. Время от времени открывались и другие программы с единовременными выплатами.

Все эти деньги выплачивались — и выплачиваются — Германией, но документы, доказывающие право заявителя на компенсацию, готовят там, где он живет: в Израиле, в США, в Германии, в СССР (пока он еще существовал) и в странах, на которые он распался.

Такая работа связана с очень сильным эмоциональным напряжением. Ежедневно нам приходилось знакомиться с кошмарными историями. Люди подробно рассказывали о пережитых массовых расстрелах, о голоде и холоде в гетто, об издевательствах и мучениях в концлагере. К примеру, о том, как немцы в специальном детском лагере брали у узников кровь для солдат и как все они, дети, знали, что кровь будут брать до тех пор, пока они не умрут. Естественно, хотелось сделать все, чтобы твоему подопечному не отказали. А получить отказ было легко. Документов о пребывании в гетто и лагерях жертвам не выдавали. Доказать, что это происходило в действительности, было непросто, да и критерии, определяющие, кому утвердить компенсацию, а кому нет, были очень жесткими. Скажем, компенсация за пребывание в гетто выплачивалась только тем, кто пробыл там не менее восемнадцати месяцев, а Венгрию немцы оккупировали лишь в марте 1944-го, и соответственно все венгры, которые прошли через гетто, автоматически исключались из списка.

Критерии эти непрерывно менялись. И надо сказать, что в результате деятельности Claims Conference чаще всего менялись к лучшему. Но из-за смены критериев порой даже родные братья или сестры, в разное время подавшие заявления, получали разные решения: одному компенсацию утверждали, а другому отказывали в ней.

Или вот разовая компенсация: ее получали в основном бывшие советские евреи, которые сумели эвакуироваться. Они так и называли эту компенсацию — за эвакуацию. На самом деле за эвакуацию им никто ничего не дал бы. Компенсация была положена за «бегство»: нужно было доказать, что происходила не организованная эвакуация, а именно бегство. И мы, сотрудники Claims Conference, делали вид, что организованной эвакуации не было, и помогали заявителям подготовить свою историю так, чтобы не получить отказа.

Нарушение буквы закона налицо. Хотя разница между теми, кто нарушал ее за взятки (увы, были и такие), и теми, кто искренне и бескорыстно хотел помочь заявителям, мне представляется существенной.

С одной стороны, любой сотрудник организации, даже если он ни сном ни духом не ведал о творящихся там делах, не может считать себя абсолютно непричастным к тому, что происходит в этой организации. С другой стороны, едва ли найдется человек, работающий в образовании, в медицине, да в любой конторе, который никогда не нарушал инструкции, не шел вразрез с правилами.

Так виновна ли я? Допустим, я невиновна, как уверены в этом те, кто знают меня. Но тогда почему же меня признали виновной и отправили в тюрьму?

Моя адвокат тщательно вникла во все двадцать пять дел, в которых мне вменяли в вину незаконное назначение пожизненных пособий, и увидела необоснованность всех предъявляемых обвинений.

Но тогда почему же я, отказавшись поначалу пойти на соглашение со следствием, позже все-таки признала свою вину? Да попросту испугалась суда присяжных, о котором все говорили как о мясорубке, не знающей обратного хода. Если не согласиться с обвинением прокурора и пойти на суд присяжных, то, скорее всего, получишь максимум наказания, которое по твоей статье возможно, поскольку присяжные обычно верят обвинению.

Короче говоря, вопрос о моей виновности неизбежно приводит к разговору об американской юриспруденции, ее специфике, а этот разговор здесь неуместен.

Так что виновна или нет, но я провела в американской тюрьме пятнадцать месяцев. И вот об этих месяцах и получилась книга. Родилась она из писем друзьям, которые я писала все это время практически ежедневно. Мои бумажные письма, адресованные всем, подруга сканировала и регулярно выкладывала в рассылку «Как Полина». Параллельно шла и электронная переписка.

Я бесконечно благодарна всем друзьям и близким, которые с первого моего дня в тюрьме и до самого возвращения, а то и дольше, не просто поддерживали, но прямо-таки держали меня на руках своими письмами, своей любовью, своей верой в меня. Я не могу поблагодарить здесь каждого — их было много. И тех, кто посылал мне книги, и тех, кто заботливо готовил для меня вырезки